

Р. Д. КУРУЧ (Мурманск)

О КАТЕГОРИИ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КИЛЬДИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ СААМСКОГО ЯЗЫКА¹

Типы образования номинатива множественного числа существительных кильдинского диалекта саамского языка впервые привел Г. М. Керт (1971 : 139—149; 143—156), формы отдельных падежей и даже парадигмы склонения существительных дают и другие исследователи (Налász 1883; Эндюковский 1937; Т. I. Itkonen 1958). В зависимости от чередований согласных основы Г. М. Керт выделяет в кильдинском диалекте четыре типа образования номинатива множественного числа (и ряд подтипов) и приводит несколько индивидуальных случаев. Подробный анализ данной классификации вызван необходимостью уточнить некоторые представления о закономерностях кильдинского диалекта в целом, который в связи с восстановлением саамской письменности в СССР кладется в основу формирующегося письменного языка. Вопрос о категории числа существительных в кильдинском диалекте ставит и практика школьного и вузовского обучения.

Необходимо сразу указать, что мы связываем своеобразие числовых корреляций существительных кильдинского диалекта со структурными особенностями слова и слога. Насколько известно, такая взаимосвязь в работах по кильдинскому диалекту подробно не рассматривалась.²

1. Г. М. Керт обстоятельно анализирует только односложные имена, оканчивающиеся в номинативе ед. ч. на один долгий согласный или на сочетание долгого согласного с кратким (типы I, II, III). Двусложные слова представлены в его классификации лишь несколькими типами, существительные, состоящие из трех и более слогов, одним типом (Керт 1971 : 139—140, 143—156). В связи с этим необходимость анализа существительных разных структурных типов очевидна.

2. В качестве средства выражения номинатива мн. ч. Г. М. Кертом названы следующие чередования согласных основы: конечная гемината существительного в единственном числе чередуется с кратким согласным (I тип), сочетания долгого с кратким в единственном числе пере-

¹ Автор благодарит представителей саамской интеллигенции А. А. Антонову, Н. Е. Афанасьеву, А. Е. Мозолевскую, А. Г. Хворостухину (Данилову), Л. Д. Яковлева за большую помощь в сборе лингвистического материала.

² Между прочим, уже начиная с прошлого столетия известно, что при описании и исследовании морфологии (в том числе склонения имен) саамских диалектов исходить следует из структуры слова: см. напр., Friis 1856; Wiklund 1891; 1894; Lagercrantz 1923; 1926; 1929; Nielsen 1926; Bergsland 1946; Collinder 1949; E. Itkonen 1969; Korhonen, Mosnikoff, Sammallahti 1973. На важность различения односложных и двусложных существительных при определении способов образования номинатива мн. ч. обратил внимание также исследователь бабинского диалекта П. К. Зайков. Он, однако, связал структуру слова только с регулярностью-нерегулярностью типов чередований, специфика же словоизменения осталась вне поля его зрения (Зайков 1978).

ходят в сочетании краткого с долгим (II), сочетание *h* с глухим согласным в конце слова чередуется с геминатой или кратким согласным (III) (1971 : 139—140).

По нашим данным, долгий согласный номинатива ед. ч. чередуется с кратким согласным номинатива мн. ч., однако такое чередование никогда не сопровождается появлением в номинативе мн. ч. (и в генитиве и аккузативе ед. ч.) гласного *-e/-e*, как это следует из ряда примеров Г. М. Керта (1971 : 139).

Во всех существительных, оканчивающихся в номинативе ед. ч. на сочетание долгий согласный + краткий согласный (по Г. М. Керту, II тип), в номинативе мн. ч. нами зафиксировано сочетание двух кратких согласных. Аналогичные данные получены на материале бабинского диалекта (Зайков 1978 : 278).

Соотношение долгот гласных и согласных звуков в парадигме слов Г. М. Керт проверял с помощью инструментального анализа, однако убедительных данных — особенно по чередованиям сочетаний согласных — не получил (Керт 1971 : 38—39, 110—114, Приложения). Более того, значительная часть материалов Приложения (кимограммы и осциллограммы) не подтверждает выводов автора. См., например, кимограммы № 16, 17, где в *vuřte* 'ждать' — *vuřte* 'он ждал' $t = 123$ мс., $\bar{t} = 143$ мс.; № 22, 23, где в формах *kuñte* 'нести' — *kuñte* 'он нес' $t = 115$ мс., $\bar{t} = 110$ мс. и др.; осциллограммы № 1, 2, где в *pořk* 'тоня' — *pořke* 'к тоне' *pořk* 'тони' $\bar{k} = 155$ мс., $k = 130$ мс., $k = 125$ мс.; № 15, 16, где в *kuajva* 'в лопату' — *kuajva* 'лопатка' $\bar{v} = 100$ мс., $v = 80$ мс.; № 37, 38, 39, где в *puv̄.r* 'хлев' — *puv̄ř* 'хлева' — *puv̄ra* 'хлевок' — *puv̄ra* 'в хлев' $\bar{r} = 170$ мс., $\bar{r} = 130$ мс., $\bar{r} = 130$ мс., $r = 110$ мс.; № 42, 43, 44, где в *vuřt* 'волос' — *vuřt* 'волосы' — *vuřta* 'в волос' — *vuřta* 'волосок' $t = 170$ мс., $\bar{t} = 190$ мс., $t = 130$ мс., $\bar{t} = 130$ мс. и т. д.³

Итак, в кильдинском диалекте саамского языка по нашим данным есть соответствия: 1) *šabb* 'сиг' — *šab* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *subb* 'осина' — *sub* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), 2) *čalm* 'глаз' — *čalm* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *uřm* 'оспа' — *uřm* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), 3) *tořp* 'ножны' — *top* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *nařk* 'кожа' — *nařk* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *vuřp* 'свекор' — *vuřp* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *liřk* 'работа' — *liřk* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *riřp* 'куропатка' — *riřb* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.).

Во всех этих чередованиях проявляется закономерность: долгота звука в номинативе ед. ч. — краткость или отсутствие его в генитиве ед. ч., аккузативе ед. ч. и номинативе мн. ч. В односложных существительных, оканчивающихся в номинативе ед. ч. на краткий согласный или на сочетание двух кратких согласных, и в двусложных производных существительных, оканчивающихся на согласный, чередование долгот носит обратный характер, например: *čont* 'горло' — *čontē* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *kuřfs* 'заря' — *kuřse* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *suēl* 'остров' — *sulle* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *piras* 'семья' — *pirras* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *čigar* 'стадо' —

³ О пороге различимости долгих и кратких звуков при восприятии писал А. Ээк (Еек 1978). Экспериментальные данные получены им на материале гласных, однако можно предположить, что исследование согласных звуков диаметрально противоположных выводов не даст.

čiggar (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *tuvas* 'свеча' — *tuvas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) и т. п.

3. Представляется нелогичным, что в кильдинском диалекте категория числа оказалась вне всякой связи с категорией падежа.

На основании проанализированного материала Г. М. Керт сделал вывод, что в кильдинском диалекте «категория множественного числа в виду отсутствия постоянного морфологического показателя в настоящее время начинает сильно разрушаться» (Керт 1971 : 141). Однако в кильдинском диалекте саамского языка прежде всего выделяются непрямые существительные с регулярными противопоставлениями форм единственного и множественного числа по всей парадигме. В этом случае существительное в форме ед. ч. обозначает один предмет в ряду однородных предметов, в форме мн. ч. — неопределенное множество этих однородных предметов от одного до бесконечности: *peřt* 'дом' — *peřt* 'дома', *murr* 'дерево' — *mur* 'деревья'; *pān'n* 'зуб' — *pān* 'зубы'; *kovas* 'чум' — *kovvas* 'чумы' и т. д. Единственное и множественное число здесь выражается как морфологически, так и синтаксически. Ср. 1) *tāll* (ном. ед. ч.) 'медведь' — *tāl* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) — *toalle* (дат. ед. ч.) — *tālet* (дат. мн. ч.) — *tālxa* (аб. ед. ч.) — *tālexa* (аб. мн. ч.); *pān'n* (ном. ед. ч.) 'зуб' — *pān* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) — *pānna* (дат. ед. ч.) — *poan'et* (дат. мн. ч.) — *pān'xa* (аб. ед. ч.) — *poan'exā* (аб. мн. ч.); 2) *puaz karr* 'олень бежит'; *puze karrev* 'олени бегут' *vušš lašš* 'тенок лежит'; *vuž lēššev* 'телята лежат'.

Соотносительные формы ед. и мн. ч. имеют в кильдинском диалекте саамского языка и существительные вещественные и отвлеченные. Здесь, однако, отмечаются некоторые различия в значениях: форма мн. ч. может соотноситься не просто с увеличенным количеством, но и с новым количеством в другом качестве. Например, *lējp* 'хлеб' в форме ед. ч. обозначает хлеб как однородное вещество, делимое, поддающееся измерению, а в форме мн. ч. (*lējp*) — разные виды печеной продукции. Поэтому в предложении *laŋkešt lev lējp* 'в магазине есть хлеб' говорится не просто о наличии хлеба, а о наличии разных видов хлебной продукции.

Односложные существительные, оканчивающиеся в номинативе ед. ч. на краткий согласный или на сочетание двух кратких согласных, в номинативе мн. ч. (и в генитиве и аккузативе ед. ч.) получают гласный *-ε(-e)* и становятся двусложными. Например: *puaz* 'олень' — *puze* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *cuemp* 'лягушка' — *cuṁpe* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *oaz* 'одежда' — *oasse* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *čont* 'горло' — *čonte* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *kuęfs* 'заря' — *kuŋse* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *oab* 'ус' — *oabbe* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *šil* 'добыча' — *šille* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *kij* 'след' — *kijje* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *suj* 'сторона, где нет ветра' — *sujje* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *puar* 'овод' — *purre* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *čuer* 'личинка мухи' — *čurre* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *suęl* 'остров' — *sulle* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *čuez* 'стадо' — *čuze* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.). При этом, как видим, имеет место звуковое изменение корня, выражающееся в чередовании долгот гласных и согласных. В существительных, оканчивающихся в номинативе ед. ч. на два согласных, чередованию подвергается первый. Особенности их склонения: 1) отсутствие в косвенных падежах чередо-

ваний согласных; как в формах ед., так и в формах мн. ч. употребляется долгий согласный, 2) окончание $-ε(-e)$ ⁴ в форме датива ед. ч. при осложненной основе⁵, 3) окончание $-x̄ta$ в форме абессива ед. ч.

	čont 'горло'		suel 'остров'	
Ном.	čont	čõnte	suel	sulle
Ген.	čõnte	čõnte	sulle	sulle
Акк.	čõnte	čõntet	sulle	sullet
Эсс.	čõnten'	—	sullen'	—
Ин.	čõntešt	čõnten'	sullešt	sullen'
Дат.	čõntke	čõntet'	sullje	sullet'
Аб.	čõntax̄ta	čõntexa	sulla \bar{x} ta	sullexa
Ком.	čõnten'	čõnteguim	sullen'	sulleguim

Односложные существительные, оканчивающиеся в номинативе ед. ч. на долгий согласный или на сочетание долгого согласного с кратким, образуют номинатив мн. ч. (и генитив и аккузатив ед. ч.) посредством внутренней флексии, ср. *mann* 'месяц' — *man* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *lan'n* 'страна, город' — *lan'* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *tāll* 'медведь' — *tāl* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *tāšt* 'звезда' — *tāšt* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *mejn* 'икра' — *mejn* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) и т. д.

Отдельные группы согласных обладают специальными качественно-количественными чередованиями. В словах типа $V\bar{C}$ и $CV\bar{C}$ к особо чередующимся относятся взрывные bb gg dd : *kebb* 'болезнь' — *keb* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *aġġ* 'век' — *aġ* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *vedd* 'дно, подошва' — *ved* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) и т. д., свистящие $\bar{s}\bar{s}\bar{s}$ \bar{s} : *rašš* 'трава' — *raž* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *tišš* 'смех' — *tiž* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) и т. д., аффрикаты $\bar{z}\bar{z}\bar{z}$: *pež* 'сосна' — *pež* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *až* 'отец' — *až* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.). В словах типа $V\bar{C}\bar{C}$ и $CV\bar{C}\bar{C}$ особыми чередованиями обладают лишь сочетания \bar{h} с глухими согласными: *naḥp* 'чашка' — *naḥ* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *ceḥp* 'палец' — *ceḥ* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *liḥk* 'работа' — *liġg* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *riḥp* 'куропатка' — *riḥb* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) и т. д.

Склонение существительных данных структурных типов характеризуется четкой системой качественно-количественных чередований гласных и согласных звуков, окончаниями $-a$, $-e$, $-ε$ в форме датива ед. ч. при неосложненной основе (см. сноска 5), окончанием $-xa$ в форме абессива ед. ч.

	sān'n' 'слово'		aḥk 'сын'	
Ном.	sān'n'	sān'	aḥk	aḥk
Ген.	sān'	soan'ε	aḥk	εḥ'kε
Акк.	sān'	soan'εt'	aḥk	εḥ'kεt'
Эсс.	sān'n'εn'	—	aḥken'	—

⁴ Заметим, что также П. М. Зайков на материале бабинского диалекта считает возможным членить традиционно гласную основу датива.

⁵ Ср. формы датива ед. ч.: *čõnt-k-ε* 'в горло', *oaš-k-ε* 'в одежду' и т. д. (осложненная основа) и *toalla* 'медведю', *kidd-a* 'в руку' (неосложненная основа).

Ин.	<i>sān'εšt</i>	<i>soan'en'</i>	<i>alkεšt</i>	<i>el'ken'</i>
Дат.	<i>sānna</i>	<i>soan'εt'</i>	<i>alka</i>	<i>el'ket'</i>
Аб.	<i>sān'xa</i>	<i>soan'εxa</i>	<i>alkxa</i>	<i>el'kexa</i>
Ком.	<i>soan'en'</i>	<i>soan'εgueim</i>	<i>el'ken'</i>	<i>el'kegueim</i>

Как видим, *ā* чередуется с *oa*; *a* с *ε*.

Из непроезженных двусложных существительных соотносительными формами номинатива ед. и мн. ч., образованными посредством внутренней флексии, обладают те из них, которые оканчиваются на согласный, например: *kumpar* 'гриб', *paltēs* 'волк', *čigar* 'стадо' и т. д. Это прежде всего слова, где различению форм номинатива, генитива, аккузатива ед. ч. и номинатива мн. числа служит целый набор морфематических средств: качество согласного, закрывающего первый слог (мягкость-твердость, краткость-долгота), качество согласного, закрывающего второй слог (мягкость-твердость), качество гласного первого слога, качество гласного второго слога (передний-задний ряд): *paltēs* 'волк' — *pal'tas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *tīrmēs* 'гром' — *tīrmas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *sal'vēs* 'брзент' — *sal'vas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *sa'ŗēs* 'некастрированный олень' — *sar'vas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *poalkēs* 'тропинка' — *poalkas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *puēgen'* 'пояс из шерсти' — *puaggan'* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *je'tpēr* 'ведро' — *ja'tpar* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) и др.

Мы относим сюда и такие соотносительные формы слов, как *čigar* 'стадо' — *čiggar* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *kovas* 'чум' — *kovvas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *tuvas* 'свеча' — *tuovvas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *piras* 'семья' — *pirras* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) и т. п.

Принадлежность всех этих слов (и им подобных) к одной группе полностью подтверждают особенности их словоизменения: выпадение гласного второго слога (кроме ном., акк. и ген. ед. ч. и ном. мн. ч.), отсутствие чередований гласных и согласных по долготе в косвенных падежах, окончание *-ε(-e)* в форме датива ед. ч. при неосложненной основе (см. сноска 5), окончание *-x̄ta* в форме абессива ед. ч.

	<i>tīrmēs</i> 'гром'		<i>čigar</i> 'стадо'	
Ном.	<i>tīrmēs</i>	<i>tīrmas</i>	<i>čigar</i>	<i>čiggar</i>
Ген.	<i>tīrmas</i>	<i>tīrmse</i>	<i>čiggar</i>	<i>čiggre</i>
Акк.	<i>tīrmas</i>	<i>tīrmset</i>	<i>čiggar</i>	<i>čiggrēt</i>
Эсс.	<i>tīrmsen</i>	—	<i>čiggrēn'</i>	—
Ин.	<i>tīrmsešt</i>	<i>tīrmsen'</i>	<i>čiggrēšt</i>	<i>čiggrēn'</i>
Дат.	<i>tīrmse</i>	<i>tīrmset'</i>	<i>čiggre</i>	<i>čiggrēt'</i>
Аб.	<i>tīrmsax̄ta</i>	<i>tīrmsex̄a</i>	<i>čiggrax̄ta</i>	<i>čiggrēxa</i>
Ком.	<i>tīrmsen'</i>	<i>tīrmseguēim</i>	<i>čiggrēn'</i>	<i>čiggrēguēim</i>

В формах типа *čigar* 'стадо' — *čiggar* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), *tuvas* 'свеча' — *tuovvas* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) в качестве различительного средства выступает долгота согласного, находящегося на

стыке слогов. Устранение этого различительного средства в определенных типах слов привело к появлению в кильдинском диалекте существительных общего числа. В примерах *nezan roann* 'женщина прядет' и *nezan roannev* 'женщины прядут', *pastex sārñ* 'пастух говорит' и *pastex sārñev* 'пастухи говорят', *feleć lāšš* 'теленоч лежит' и *feleć lēššev* 'телята лежат' словоформы *nezan* 'женщина, женщины', *pastex* 'пастух, пастухи', *feleć* 'теленоч, телята' в отношении грамматического числа нейтральны. При этом одна и та же форма подлежащего сочетается с формами номинатива ед. и мн. ч. сказуемого, что и является с грамматической точки зрения главным критерием выделения формы общего числа (Кумахов 1969 : 65—74). В кильдинском диалекте к существительным общего числа относятся: двусложные непродуцируемые имена существительные, оканчивающиеся на краткий согласный, например: *čašen* 'дятел, дятлы', *nezan* 'женщина, женщины', *čarex* 'шея, шеи', *čabar* 'чайка, чайки', *riḃbēx* 'платоч, платки' и т. д.; двусложные существительные, оканчивающиеся на *-a*, *-e*, *-e*, например: *jeññe* 'земля, земли', *čola* 'поясница, поясницы', *xaṛa* 'хорей, хорей', *ceza* 'маленькая незнакомец птичка, маленькие незнакомец птички', *rešše* 'ветка, ветки' и т. д.; некоторые односложные существительные, оканчивающиеся на долгий согласный, например: *pēšš* 'гнездо, гнезда', *kušš* 'гость, гости', *vuss* 'сумка, сумки (киса)', *pālł* 'мяч, мячи' и др.

Общее число существительных в кильдинском диалекте саамского языка мы рассматриваем как явление, возникшее в результате нивелировки числовой дифференциации. Последняя в свою очередь оказалась возможной потому, что нейтрализация числовых противопоставлений в существительном возмещается в предложении грамматическими формами глагола. В пределах предложения числовое значение форм типа *nezan*, *ceza*, *kušš* конкретизируется формой их согласования со сказуемым, что исключает их нейтральность.⁶

Продуцируемые существительные ведут себя двояко.

1. Слова, полученные морфологическим способом, образуют соотносительные формы номинатива (и генитива и аккумулятива) ед. ч. и номинатива мн. ч. так же, как односложные существительные типа VĀ, CVĀ, например: *vartekvuđđ* 'богатство' — *vartekvud* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), от *vartek* 'богатый', *čuvness* 'светильник' — *čuvnez* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), от *čuvv* 'свет', ген. *čuv*, *juṛtmušš* 'дума' — *juṛtmuž* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.), от *juṛte* 'думать'.

Особенности их склонения: конечный согласный подвергается чередованиям (качественно-количественным) по типу односложных слов, в абессиве ед. ч. — окончание *-xa* (как в односложных словах), нет чередований гласных первого слога (как в двусложных и многосложных словах), нет выпадения гласного второго слога: *čuvness* 'светильник' — *čuvnez* (ген., акк. ед. ч.; ном. мн. ч.) — *čuvnezēšt* (инессив ед. ч.) — *čuvnešše* (датель ед. ч.) и т. д.

2. Слова, образованные морфолого-синтаксическим способом, выступают как существительные с недифференцированным значением числа: *čiṛkei čueṛk* 'лыжник идет на лыжах' и *čiṛkei čuṛkev* 'лыжники идут на лыжах', где *čiṛkei* 'лыжник, лыжники' из причастия *čiṛkei* 'катающийся на лыжах'. В парадигме склонения они ведут себя как двусложные непродуцируемые слова.

⁶ В косвенных падежах числовые противопоставления данных существительных последовательно выражаются посредством специальных для ед. и мн. ч. окончаний: *sarna neznep* 'говорю с женщиной' и *sarna neznegueim* 'говорю с женщинами'.

Таким образом, категория числа в кильдинском диалекте саамского языка находит свое выражение в распределении существительных по двум группам:

- 1-я группа — слова с четким противопоставлением форм единственного и множественного числа в номинативе,
2-я группа — существительные общего числа (без отличия номинатива ед. и мн. ч.).

ЛИТЕРАТУРА

- Зайков П. М. 1978, Способы выражения номинатива множественного числа существительных в бабинском диалекте саамского языка. — СФУ XIV, 276—280.
— 1979, Способы выражения грамматического числа в кольско-саамских диалектах в сравнении с прибалтийско-финскими языками (имя существительное). — К истории малых народностей Европейского Севера СССР, Петрозаводск, 97—102.
Керт Г. М. 1971, Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика. Морфология. Синтаксис, Ленинград.
Кумахов М. А. 1969, Число и грамматика. — ВЯ 4, 65—74.
Эндюковский А. Г. 1937, Саамский (лопарский) язык. — Языки и письменность народов Севера, Ленинград, 125—163.
Bergsland, K. 1946, Røros-lappisk grammatikk, Oslo.
Collinder, B. 1949, The Lappish Dialect of Jukkasjärvi, Uppsala (Skrifter utgivna av K. Humanistiska Vetenskaps-samfundet i Uppsala 37 : 3).
Eek, A. 1978, Just-noticeable Differences of Duration and Language Type: Some Preliminary Notes. — Estonian Papers in Phonetics, Tallinn, 21—26.
Friis, J. A. 1856, Lappisk Grammatik, Christiania.
Halász, I. 1883, Orosz-lapp nyelvtani vázlat. — NyK XVII, 1—45.
Itkonen, E. 1969, Lappische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis. Zweite Auflage, Helsinki.
Itkonen, T. I. 1958, Koltan- ja Kuolanlappin Sanakirja I—II, Helsinki (LSFU XV).
Korhonen, M., Mosnikoff, J., Sammallahti, P. 1973, Koltansaamen opas, Helsinki (Castronianumin toimitteita 4).
Lagercrantz, E. 1923, Sprachlehre des Südlappischen nach der Mundart von Wefsen, Kristiania.
— 1926, Sprachlehre des Westlappischen nach der Mundart von Arjeplog, Helsinki (MSFOu LV).
— 1929, Sprachlehre des Nordlappischen nach den seelappischen Mundarten, Oslo.
Nielsen, K. 1926, Lærebok i lappisk I. Grammatikk, Oslo.
Wiklund, K. B. 1891, Laut- und Formenlehre der Lule-Lappischen Dialekte, Stockholm.
— 1894, Kleine lappische chrestomathie mit glossar, Helsingfors.

R. D. KURUČ (Murmansk)

ZUR NUMERUSKATEGORIE DER SUBSTANTIVE IN DER KILDINER MUNDART DES LAPPISCHEN

Im Artikel wird die Eigenart der Numeruskorrelation der Substantive in der Kildiner Mundart des Lappischen mit den strukturellen Besonderheiten des Wortes und der Silbe verbunden. Aufgrund der Analyse der Bildungsweisen des Nominativ Plurals und der Flexion abgeleiteter und unabgeleiteter Substantive unterscheidet man in der Kildiner Mundart auf der synchronischen Ebene zwei Wortgruppen: 1) Substantive mit sich gegenüberstehenden Formen im Nominativ Singular und Nominativ Plural; 2) Substantive mit gleicher Form für Nominativ Singular und Nominativ Plural.